

Эпистемология и проблема редукционизма¹

1. Понятие редукционизма

Под редукционизмом в самом широком смысле слова можно понимать сведение одних явлений, еще слабо изученных, к другим, относительно которых уже накоплено достаточное количество знаний. В таком понимании редукционизм – это нормальное и необходимое явление в развитии познания. Редукционизм как проблема связан с определением границ применимости того или иного подхода к описанию и объяснению явлений, той или иной теории или, иными словами, той или иной исследовательской программы. Речь идет о выяснении объективных возможностей этой программы и об оценке ее притязаний на новые предметные области.

При этом ситуация сильно обостряется тогда, когда уже оформились границы между разными научными дисциплинами, и одна из этих дисциплин претендует на «поглощение» другой, которая в ответ отстаивает свою самостоятельность. Вспомним хотя бы проблему соотношения физики и химии. Разумеется, любая редукция имеет свои границы, и если эти границы, с нашей точки зрения, нарушаются, то термин «редукционизм» приобретает характер отрицательной оценки. У нас в свое время эта проблема приобрела идеологическое звучание в связи с идеей Энгельса о разных и несводимых друг к другу формах движения материи. Редукционизм стал осуждаться как нечто противоречащее идеям основателей марксизма.

Необходимо сделать ряд уточнений. Проблема редукционизма, как правило, не возникает в случае проникновения в другие науки конкретных экспериментальных методов исследования. Физические методы измерения, например, используются почти во всех научных дисциплинах, включая историю и археологию, но это совершенно не затрагивает самостоятельности этих дисциплин и не рассматривается в качестве попыток их поглощения со стороны физики. Экспериментальные методы – это общепризнанные «кочевники», а границы наук определяются не этими методами, а программами отбора и систематизации знаний, которые я называю коллекторскими программами. Например, методы измерения температуры, атмосферного давления, солености морской воды, измерения глубины океана с помощью эхолота и тому подобное – все это физические методы. Но они используются в метеорологии, климатологии, океанологии. При этом результаты применения этих методов не сохраняются в самой физике, она их не ассимилирует, их отбирают и систематизируют коллекторские программы указанных дисциплин.

Проблема редукционизма возникает прежде всего в связи с теоретическими процедурами объяснения, в связи с попытками одной науки объяснить в рамках своих теоретических представлений явления, изучаемые другой областью знания. Например, в химии эта проблема крайне обострилась, когда физики построили теорию химических связей, и появились высказывания, что в химии все сводится к квантовой механике. Очевидно, что это уже затрагивало и проблему самостоятельности химии, затрагивало ее коллекторскую программу. «Таким образом, – писал Г.М. Шваб, – кажется, и в это долго верили, что химия сама по себе не име-

¹ *Опубликовано:* Эпистемология: новые горизонты: Материалы конференции 24–25 июня 2010 г. Москва, ИФ РАН. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 72–94. Перепечатано в кн.: *Розов М. А.* Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. С. 108–122.

ет больше самостоятельного существования как наука, но переходит в физику так же, как в свое время думал Бисмарк: «Пруссия переходит в Германию»².

Все вышесказанное относится к редукционизму, который я буду называть специально-научным, так как речь здесь идет о решении конкретных задач той или иной науки. Наряду с этим существует редукционизм методологический. Он связан с использованием одной достаточно развитой области знания в качестве образца для построения другой дисциплины, изучающей явления совсем другого типа. Перенос опыта осуществляется здесь обычно в форме метафоры или на предельно общем категориальном уровне. Методологический редукционизм – это эвристическая программа, признающая специфику той или иной науки и не претендующая на ее «поглощение». Методология в этой ситуации – это поиск категориального изоморфизма разных областей знания. И если, например, известный фольклорист В.Я. Пропп пытается проанализировать сказку, опираясь на аналогию с морфологией растений, то это вовсе не означает, что он хочет понять фольклор, опираясь на теоретические представления ботаники. Морфология или анатомия растений для него – это просто образец некоторого принципиального подхода при исследовании объекта. Таким же образом, например, Э. Дюргейм выделял в социологии такие разделы, как анатомия и физиология общества. Едва ли его можно обвинить на этом основании в попытке сведения социальных явлений к биологическим.

В данной статье я хотел бы кратко обосновать свое отрицательное отношение к специально-научному редукционизму в сфере эпистемологии. Что касается методологического редукционизма, то я, напротив, в ряде мест буду на него опираться. Я убежден в единстве научного знания, и резкое противопоставление наук общественных или гуманитарных наукам естественным представляется мне совершенно тупиковой исследовательской стратегией.

2. Познание и мозг

Науки о человеке можно разбить на две принципиально разные группы: науки о человеке как о биологическом виде *homo sapiens* и науки о человеке как социальном образовании. Первые относятся к биологии, вторые – к группе общественных наук. Соотношение этих двух групп дисциплин представляет значительный интерес, и главный, как мне представляется, вопрос состоит в следующем: можно ли понять социум и такие, в частности, явления, как сознание, мышление или познание, опираясь на изучение *homo sapiens*? Правомерна ли здесь редукционистская установка и если да, то каковы ее границы?

Вот отрывок из книги достаточно известных авторов: «При восприятии нами мира большая часть информации поступает через глаза и мозг, которому удается, как бы играючи, познавать и анализировать окружающую нас реальность. Однако если инженер возьмется сконструировать робота, который познавал бы объективный мир подобно человеку, то он столкнется с непреодолимыми трудностями. Биологов и медиков это не удивляет: исследуя мозг под микроскопом, они обнаруживают миллиарды нервных клеток, связанных друг с другом наисложнейшим образом»³. Итак, именно мозг «как бы играючи» познает окружающий мир, и основная трудность в понимании познания в том, что мозг состоит из миллиардов нервных клеток, «связанных друг с другом наисложнейшим образом». Понять мышление, познание – это значит понять устройство и функционирование мозга. Все упирается в изучение некоторого биологического объекта.

² Шваб Г.М. Кризис познания в химии и его преодоление // Методологические проблемы современной химии. М., 1967. С. 125.

³ Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. М., 2002. С. 7.

Но так ли это? Давно существует так называемая компьютерная метафора, то есть сопоставление мозга с достаточно совершенным компьютером. Действительно, представим себе, что мы построили такой компьютер, сопоставимый с мозгом и состоящий из миллиардов элементов, работающих как нервные клетки. Будет ли он познавать мир? Любой, сколь угодно совершенный компьютер нуждается в том, чтобы его запрограммировали. И любой компьютер будет плохо работать, если мы выбрали плохую программу. Конечно, если бы у нас была программа, которую использует мозг при познании окружающей реальности, то все упиралось бы в соответствующий компьютер. Но ведь такой программы у нас нет. Более того, не очень-то ясно, где и как она существует. Можно ли ответить на этот вопрос, изучая строение мозга? Полагаю, что нет, хотя бы потому, что между строением компьютера и программами нет однозначного соответствия. Кроме того, такой единой программы познания мира, вероятно, вообще не существует. Одни люди достаточно успешно познают мир, успехи других значительно скромнее, а третьи вообще не способны к познанию, тем более «как бы играючи».

Homo sapiens – это еще не человек. Его еще надо запрограммировать. И если он родился в племени австралийских аборигенов, то получит одни программы, а в современной Англии или Франции – совсем другие. У него будет разный язык, разные представления о мире, разные возможности познания. Но это вовсе не означает, что у него должно изменяться строение мозга. Он от рождения в принципе способен усваивать те программы, которые предоставляет ему окружающая социальная среда. В этом, кстати, и состоит удивительная особенность *homo sapiens*, отличающая его от всех представителей животного мира и от компьютеров тоже: он способен извлекать программы своего поведения, своей деятельности, программы мышления непосредственно из социальной среды. Зачатки такой способности есть и у животных, но об этом мы поговорим несколько ниже.

А где и как существуют эти программы, каков способ их бытия? Самая правдоподобная гипотеза, как мне представляется, состоит в том, что человек постоянно воспроизводит непосредственные образцы поведения и деятельности, которые присутствуют в окружающем его социальном мире. Воспроизводя образцы речевой деятельности, ребенок начинает говорить, воспроизводя соответствующие образцы, включается в трудовую деятельность взрослых, первоначально, может быть, в форме игры. Даже прямохождение приобретается только в социальной среде. Процесс передачи форм поведения и деятельности от человека к человеку, от поколения к поколению путем воспроизведения непосредственных образцов я называю социальными эстафетами. Это исходный, базовый механизм социальной памяти, без которого невозможно существование и развитие социума. Рожденный в определенной социальной среде *homo sapiens* обречен стать участником тех эстафет, которые его окружают. Они захватывают его в сферу своего влияния и заставляют вести себя определенным образом. Это не значит, что у него нет степеней свободы. Его окружает множество образцов, он может выбирать, у него есть, наконец, образцы предпочтений, то есть образцы ценностных ориентаций. Я вовсе не склонен упрощать ситуацию, но в данной статье нет места для детализаций.

А теперь я перехожу ради наглядности к некоторой метафоре, от которой, впрочем, легко избавиться. Воспроизведение деятельности по образцам (социальная эстафета) напоминает волну. Подобно одиночной волне на поверхности водоема, деятельность реализуется на все новом и новом материале, меняются как люди, которые ее реализуют, так и объекты, с которыми они оперируют. Такое волновое представление удобно для обсуждения проблемы редукции. Социальные эстафеты не живут там, где нет *homo sapiens*. Это примерно так, как и волны на воде не живут, если водоем высыхает. Но для жизни волн необходимо, чтобы

вода вела себя как упругая жидкость, все дальнейшие детали при изучении водной среды нам безразличны. Человек тоже должен обладать способностью подражания в некоторых границах, и это его биологическое свойство мы должны принять как нечто данное при изучении как социума в целом, так и познания. Но волновая картина на поверхности того или иного водоема может быть очень разнообразной, и это не зависит от свойств воды. Так и на базе эстафет процветают самые разные виды деятельности, разные языки, разные технологии мышления, разные культуры, имеющие свои законы развития, которые нельзя вывести или объяснить, опираясь на физические или биологические характеристики *homo sapiens*. Волноподобный характер процесса – это одна из границ редуционизма. Есть, например, электромагнитные волны. С их помощью можно передавать самые различные сообщения. Но было бы совершенно нелепо пытаться объяснить характер этих сообщений, опираясь на электродинамику.

Надо сказать, что аналогия с волнами - не редкость в методологии гуманитарного знания. «Открыть "закон волн" в литературе, – писал выдающийся литературовед Б.И.Ярхо, – было бы венцом точного литературоведения. . . Тот, кто сумеет путем математической аргументации развернуть перед нами грандиозную картину литературного потока в виде тысяч отдельных волн, набегающих друг на друга, то текущих рядом, то вновь расходящихся в бесконечном движении – тот завершит закладку фундамента точного литературоведения»⁴. Волны в данном случае – это традиции или социальные эстафеты⁵.

В заключение приведу еще одну метафору, которая проясняет ситуацию. Вспомним про такое биологическое явление, как вирус. Известно, что он представляет собой некоторую генетическую программу, которая, проникая в живую клетку, заставляет ее функционировать несвойственным ей образом. Но в такой же степени социальные программы, представленные, прежде всего, множеством социальных эстафет, «проникают» в мозг *homo sapiens*, определяя характер его поведения и деятельности. Именно они и делают его человеком. Человек – это особый биологический вид *homo sapiens*, зараженный множеством социальных «вирусов». Как биологический вид – это объект комплекса биологических дисциплин, но как человек – принадлежит к совсем другому миру. Человек – это набор социальных «вирусов», живущих на определенном биологическом материале. И каждый человек своеобразен и неповторим, так как «заражается» на протяжении своей жизни только ему присущим «вирусным набором». Именно эти социальные волны, назовем ли мы их вирусами или эстафетами, и следует изучать для того, чтобы ответить на вопрос, что такое мышление, познание, культура. И как мы уже говорили, изучение субстрата, на котором эти волны живут, ничего нам не говорит о существующей волновой картине и ее изменениях.

6. Подражание у животных и социальная память

В мире биологическом существует два основных механизма фиксации опыта: память генетическая и память неврологическая. В первом случае фиксируется опыт рода, во втором – индивидуальный опыт. При этом индивидуальный опыт не передается на базе механизмов наследственности. Этот разрыв в биологии частично восполняется за счет подражания. Известно, что выращенные в неволе животные очень часто не способны жить на свободе, т.к. многие навыки они получают, подражая родителям. Суть революции при формировании мира социального в том, что именно механизм, первоначально основанный на подражании, ста-

⁴ Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения. Труды по знаковым системам. Вып. IV. Тарту, 1969. С.526.

⁵ Социальные эстафеты – это явление более элементарное, чем традиция. Кроме того, говоря о традициях, мы погружаемся в мир диахронии, а эстафеты – вовсе не обязательно являются долгожителями.

новится главным при передаче опыта и начинает колоссальными темпами развиваться, как в плане развития его механизмов (речь и язык, знание), так и содержания.

Но не означает ли это, что наши социальные «вирусы» или эстафеты имеют целиком и полностью биологическую природу, что они существуют уже у животных? Если это так, то вполне возможно понять природу познания, обобщая на поведение человека наши знания о поведении животных. Такая точка зрения встречается у многих авторов. Своеобразным бестселлером стала книга У. Матураны и Ф. Варела «Древо познания». Авторы пишут: «Человеческое познание как эффективное действие принадлежит биологической области»⁶. А страницей ниже: «В нашей книге мы вернулись к «дереву познания». Мы предложили читателю вкусить от плода этого дерева, представив ему научное исследование познания как биологического феномена»⁷.

Однако не так уж трудно показать, что воспроизведение образцов в рамках эстафет – это вовсе не то подражание, которое имеет место у животных. Дело в том, что у каждого биологического вида есть ограниченный набор поведенческих акций, унаследованный им генетически. Если один индивид подражает другому, то он при этом не выходит за рамки этого набора. Адекватность подражания обеспечена биологически. Вот реальное наблюдение. Навстречу мне по дороге бегут две собаки, одна из них давно меня знает, другая мне незнакома. Незнакомка с лаем бросается на меня. Вслед за ней бросается и знакомая, но, подбежав ближе, останавливается и начинает вилять хвостом. Вслед за ней и незнакомка перестает лаять и, виляя хвостом, начинает меня обнюхивать вполне дружелюбно. Подражание налицо, но поведенческие акции взяты из стандартного, генетически заданного набора: броситься с лаем, вилять хвостом.

Ситуация воспроизведения человеческой деятельности совсем другая. Набор операций, реализуемых человеком в его практике бесконечно разнообразен, во всяком случае, потенциально. Набор объектов, с которыми он оперирует, тоже крайне разнообразен, и это разнообразие все время растет. Границы между разными вариантами биологически не заданы. А возможно ли вообще биологическое подражание в такой ситуации? Полагаю, что невозможно. Воспользуемся примером Л. Витгенштейна. Допустим, мы хотим задать образец употребления слова «два» и произносим это слово, указывая на группу из двух орехов. В чем должно состоять подражание? «Ведь тот, кому предъявляют эту дефиницию, - пишет Витгенштейн, - вовсе не знает, что именно хотят обозначить словом "два"»⁸. Действительно, можно выдвинуть уйму предположений. Слово «два» может обозначать цвет предметов, их форму, название указанных плодов, их съедобность или несъедобность, их положение на столе и т.д.

Каким же образом обеспечивается относительно устойчивое, стационарное воспроизведение социокультурных образцов? Оно обеспечивается той предметной ситуацией, в которой происходит воспроизведение, но прежде всего социальным контекстом. Человек никогда не имеет дело с изолированными актами деятельности или поведения. Он включен в сложнейшую систему этих актов, в систему культуры как целого, и именно это целое определяет воспроизведение каждого отдельного образца. Остенсивное определение моего собственного имени, например, не будет понято как цветообозначение или как название стороны света, если все эти обозначения уже есть в контексте данной социокультурной ситуации, если они там уже функционируют. Но это означает, что способность к воспроизведению

⁶ Матурана У. и Варела Ф. Древо познания. М., 2001. С.215.

⁷ Там же. С. 216.

⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. М., 1985. С.90.

образцов, делающая человека участником социальных эстафет, не является его характеристикой как биологического индивида. Она социально обусловлена и изменяется от эпохи к эпохе, от одного социокультурного контекста к другому. Точнее, дело не только в способностях *homo sapiens*, а в том, что реализация этих способностей характер реализации образцов определяется не этими способностями, а самой Культурой, то есть всем универсумом уже заданных и функционирующих образцов. Это примерно так же, как при движении по железной дороге машинист должен уметь вести поезд. Но изгибы и повороты пути совершенно не зависят от его умения или неумения.

Итак, отдельно взятый образец, если границы его воспроизведения биологически не заданы, вообще не является образцом, так как не задает никакого четкого множества реализаций. Образцом он становится только в контексте культуры. Само «подражание» при этом коренным образом преобразуется за счет эволюции всей системы поведения и деятельности, т.е. за счет эффекта целостности. Именно этот эффект и определяет в рассматриваемой ситуации границу редуционизма, как бы отрывая человека от его биологической пуповины. Анализируя развитие науки или культуры, не следует поэтому говорить о подражании, надо говорить о воспроизведении или о реализации образцов.

Подводя итог, можно сказать, что существуют две границы редуционизма при переходе от биологии к социальным явлениям: волноподобие социальных программ, и эффект целостности, который определяет воспроизведение образцов. В первом случае мы получаем возможность на базе одного и того же биологического субстрата получать самые разные социокультурные образования. Во втором – показываем, что социальные эстафеты не сводимы к актам подражания у животных. Именно эффект целостности порождает, в частности, одну из важных методологических проблем исторического исследования, проблему понимания явлений прошлого в их собственном историческом контексте, то есть проблему преодоления модернизации прошлого.

Человек как объединение социальных эстафет, как совокупность взаимосвязанных социальных «вирусов» вырвался из сферы биологии, и именно этим объясняется его фантастически быстрое развитие, несопоставимое по своим темпам с биологической эволюцией. И эффект целостности играет здесь немаловажную роль. Каждый новый шаг меняет контекст воспроизведения других образцов и может привести к существенной перестройке системы в целом или одной из ее областей. Каждый человек или, точнее, личность представляет собой неповторимое объединение разных социальных программ, что задает особый контекст воспроизведения других образцов. Иными словами, уже само воспроизведение социума таит в себе огромный инновационный потенциал.

И наконец, последнее замечание, которое вообще-то вполне заслуживает специального рассмотрения. Механизм развития социума принципиально отличается от биологической модели Ч. Дарвина или от современной синтетической теории эволюции, которые частично продолжают использовать в сфере теории познания и философии науки на уровне методологических метафор. Социальная память, основанная на воспроизведении образцов, не похожа на генетическую память. Последняя, как известно, не закрепляет индивидуальный опыт, не закрепляет случайные мутации или находки в деятельности индивида. Но это способно делать и, если не всегда, то все же делает социальная память. Кроме того, в развитии вида мутации происходят в генетической памяти, а в жизни отдельной особи они только проходят проверку на выживание. В жизни социума, наоборот, мутируют индивидуальные акты, индивидуальное поведение или деятельность, а эти мутации закрепляются в памяти социума либо в форме положительных образцов, либо – образцов-запретов. Очевидно, что этот социальный механизм об-

ладает несравненно большим потенциалом развития, чем механизм биологический.

Мои ответы на вопросы по докладу

Касавин И.Т.: Михаил Александрович, все-таки согласитесь: вопрос, что такое социальность, остался без ответа.

Розов М.А.: Согласен. Но это, строго говоря, и не входило в задачи доклада. Я не собирался это обсуждать, хотя и употреблял соответствующее слово. Но в принципе те представления, которые в докладе излагались, позволяют, как я полагаю, если не определить, то разъяснить, что я понимаю под социальностью. Проведем такой мысленный эксперимент, слегка напоминающий эксперимент К. Поппера: представим себе, что все человечество погибло, но в живых осталась только группа детей, еще не умеющих говорить. В силу некоторых обстоятельств они выжили. Вероятно, можно предполагать, что они сохранили все особенности биологического вида, именуемого *homo sapiens*. Но у них нет языка и речи, нет привычного нам поведения и деятельности, вероятно, у них нет и прямохождения. Вот все то, что у них исчезло по сравнению со взрослым человеком, и если появится, то через много веков, я и называю социальным. Социальное – это те признаки, те особенности биологических видов, которые не транслируются на базе биологических механизмов наследственности. У животных зародыши социальности основаны на механизме подражания. Предполагается, что сам этот механизм передается по наследству, а на его базе передаются и некоторые формы поведения. Говорят, например, что песня соловья по наследству не передается, просто один самец подражает другому. И если исчез знаменитый курский соловей, то это не значит, что исчез вид или подвид. Исчезла песня, когда переловили лучших певцов. Следовательно, песня курского соловья была явлением социальным, а не биологическим. Что я сказал нового в своем докладе? Я попытался показать, что, в отличие от животных, сам механизм воспроизведения образцов человеческой деятельности по наследству не передается, т.е. тоже представляет собой нечто социальное.

Можно подойти к определению понятия социальности и с другой стороны. Если социальные признаки биологически не наследуются, то каким же образом они существуют и воспроизводятся? Когда в ходе доклада мне задавали этот вопрос, я ответил, что социальные характеристики *homo sapiens* записаны в социальной памяти, памяти социума. И тут посыпались реплики, обвиняющие меня в том, что я социальность определяю через социальность, то есть допускаю круг в определении. Никакого круга нет, так как понятие социальных эстафет и социальной памяти я ввожу, не используя понятия социальности. Можно мне возразить, что я уже использовал слово социальность; социальные эстафеты, социальная память, память социума. Но слово «социальность» входит здесь в состав термина, выражаясь языком Г.П. Щедровицкого, в состав знаковой формы и не более. Никакого круга поэтому нет. Я могу, например, назвать социальные эстафеты просто S-эстафетами, и ничего от этого не изменится. Говорят даже, что надо отказать от слова «эстафета», ибо оно вызывает ассоциации со спортивными эстафетами. Но возражения такого типа связаны с некоторой спецификой гуманитарного сообщества: мы очень большое значение придаем семантике естественного языка, забывая, что мы вовсе не поэты, и что речь идет о научных терминах. Ни у одного математика, если речь заходит о теории колец или полей в алгебре, почему-то не возникает ассоциаций с картофельным полем или с обручальным кольцом.

Дубровский Д.И.: Вы участник социальной эстафеты. Вы имеете некоторый образец или программу, усвоили эту программу и реализуете ее. Значит, в Вашем мозгу эта программа существует. Почему тогда она не выводима из мозга, если она в мозгу есть?

Розов М.А.: Она не выводима из устройства мозга, так как на базе одного устройства может существовать множество программ. Об этом как раз и говорит компьютерная аналогия. Вот есть компьютер, его устройство не изменяется, но на базе этого устройства мы можем играть во множество игр, писать и редактировать тексты, ретушировать фотографии и многое другое. Мне важно именно это. Но Давида Израилевича, видимо, интересует другое: представьте себе, что мы изучаем данный конкретный мозг в данный конкретный момент времени, можем ли мы по состоянию нервных клеток определить, какие программы там записаны? Думаю, что это колоссально сложно, но дело не только в сложности. Возьмем в качестве примера речевую деятельность. Любой носитель языка говорит как бы по правилам, хотя никаких правил не знает, то есть не может сформулировать. Эти правила пытаются сформулировать лингвисты, но пока полностью не сформулировали ни для одного языка. Что же мы хотим получить, изучая состояние нервных клеток? Правила? Но они там не записаны, ибо в противном случае нам их сообщил бы любой носитель языка. В памяти последнего записано огромное количество образцов речевой коммуникации. Но можно ли это выделить в качестве некоторой программы? Что значит «выделить»? Вероятно, нам надо при этом записать данную программу на некотором языке, отличном от «языка» нервных клеток. Но такое переписывание явно изменит и саму программу. Здесь действует принцип дополнительности, о котором применительно к описанию эстафет я уже достаточно много писал. Фактически, затратив огромное количество труда для того, чтобы расшифровать состояние нервных клеток, мы попадем в ситуацию, в которой и без этого находится любой лингвист, имеющий перед собой огромный набор образцов речевых актов. Нужно ли тогда нам мучиться с мозгом? Я вовсе не отрицаю значимости его изучения, я говорю только о границах редукционизма. Исследование мозга не продвинет нас в изучении языка и речи как социальных явлений.

Левин Г.Д.: У меня два вопроса. Первый вопрос: как появился первый образец? Второй вопрос: если Вы не можете из атомов, из которых состоит человек и человечество, вывести свойство социума и свойство нашего мышления, то как они возникают? Откуда?

Розов М.А.: Что касается первого вопроса, то я, развивая теорию социальных эстафет, никогда этим не занимался. Следует различать теорию некоторых уже существующих явлений и теорию их происхождения. Об этом писал еще Фердинанд де Соссюр, используя аналогию с шахматами: для анализа данной позиции на шахматной доске нам совершенно неважно, как эта позиция возникла в ходе игры. Ньютон уже давно построил теорию Солнечной системы, а гипотезы ее происхождения обсуждаются до сих пор. Но это некоторое методологическое замечание, а не ответ на вопрос. Правда, методологическое замечание в данном случае я считаю более важным, чем сам ответ, ибо ответ тривиален. Образцы поведения и подражание этим образцам есть и у живых организмов, у птиц, у животных, даже у муравьев. Тем более они налицо у антропоидов. Я уже говорил, что способность подражания у животных, вероятно, передается по наследству. Я думаю, в задачу Георгия Дмитриевича не входит заставлять меня заняться исследованием происхождения и развития жизни. Надо же где-то остановиться и просто зафиксировать status quo.

Теперь второй вопрос. Ответ на него как раз и дает аналогия с волной. Мировой океан – это молекулы воды. Можно ли на базе изучения этих молекул объ-

яснить волновую картину на поверхности океана в данный момент времени? Риторический вопрос. В такой же степени на базе способности воспроизводит образцы деятельности, могут развиваться и жить самые разные по содержанию культуры. Способность воспроизведения образцов обеспечивает их существование, но не их содержание. Вы, можете, конечно, задать вопрос, а как возникают первые «волны», то есть первые образцы. Но на этот вопрос я уже ответил.

Лекторский В.А.: А есть ли граница между понятием и метафорой? Я полагаю, что нет.

Розов М.А.: Это достаточно сложный вопрос, так как теория метафоры очень мало разработана. Выскажу свое мнение. Если мы говорим «все дороги змеи», то это метафора, а если говорим «все дороги похожи на змей, потому что они извиваются», то никакой метафоры нет, есть обыкновенное сравнение по определенному признаку. Именно выделение этого признака и уничтожает эффект метафоры. Когда я говорю, что социальные эстафеты – это волны, здесь можно усмотреть метафору. Но когда я говорю, что социальные эстафеты похожи на волну, потому что «живут» на все новом и новом материале, то метафоричность исчезает. Возникает новое понятие об объектах, которые относительно безразличны к материалу, из которого якобы состоят, которые постоянно обновляют этот материал. Такие объекты я называю куматоидами. И когда я говорю, что социальная эстафета – это элементарный куматоид, то никакой метафоричности здесь нет.

Абрамова Н.Т.: Существуют ли образцы, в соответствии с которыми субъект действует, но которые он при этом не осознает?

Розов М.А.: Разумеется. Подавляющее количество таких образцов мы не осознаем. Разве ребенок, осваивая язык и речь, осознает, какие образцы заставляют его говорить так, а не иначе? Я лично знаю только одно слово, которое я освоил по одному-единственному образцу. Это слово «взбутетенить», которое я встретил в стихотворении Некрасова «Псовая охота». Больше я его нигде не встречал. Одна из задач истории науки или культуры вообще – выявить те образцы, которые повлияли на работу того или другого ученого, писателя или художника. Думаю – это достаточно сложная задача.

Вопрос: Как Вы относитесь к идее о границах методологического редуционизма?

Розов М.А.: Я не вижу таких границ. Методологический редуционизм – это поиск категориальных изоморфизмов между разными областями знания, а категории, по определению, являются всеобщими понятиями. Тут возникает, конечно, много интересных проблем. Вот, например, в естественных науках говорят о строении молекул, о структуре кристаллов, о морфологии растений и так далее. Гуманитарии говорят о строении знания или науки, о морфологии сказки, о структуре художественного текста... Спрашивается, идет ли здесь речь об одних и тех же понятиях? Как понимаются эти категории в естественных науках, более или менее ясно. Какое содержание они имеют в науках гуманитарных не ясно совершенно. А не пора ли здесь выявить определенный изоморфизм? Концепция социальных эстафет направлена, в частности, на то, чтобы это сделать. Говоря, например, о структуре или строении знака, знания, теории, науки, я имею в виду анализ эстафетных структур. Благодаря этому достигается некоторое единообразие в постановке и понимании исследовательских задач.

Черткова Е.Л.: У меня очень маленький вопрос в защиту человека. У вас метафора: человек – это вирус. Я считаю наоборот. Человек это субстрат, а вирус – это ваши волны, образцы и программы. Человек – это субстрат, он же меняет эту волну, он ее сбивает, он изменяет ее направление.

Розов М.А.: Все верно за исключением одного: субстратом является не человек, а homo sapiens. Человек – это homo sapiens, социально запрограммированный, то есть, выражаясь метафорически, зараженный социальными вирусами. Именно такой человек и способен «изменять направление социальной волны».